

На слуху имена писателей-почвенников: Василия Белова, Бориса Можжаева, Ивана Васильева, Леонида Иванова, Владимира Солоухина, Михаила Алексеева, Владимира Тендрякова... Но это ушедшее поколение. А где молодые публицисты?

В разгар горбачёвской «перестройки» случилась смена меня с директором совхоза «Нюйский» Ленского района Якутии Иваном Переверзиным. Тогда ему не было ещё и тридцати. Человек жёсткий, волевой, сметливый, он вывел своё хозяйство в число передовых в республике. В суровых северных условиях производил немало продукции. Скажем, под картофелем в совхозе было свыше четырёхсот гектаров. Ещё выращивали капусту, морковь, свёклу, зелень. Имели приличное стадо — тысячу коров. А всего в хозяйстве насчитывалось две с половиной тысячи крупного рогатого скота. Пять отделений. От края до края больше сотни километров. Попробуй объехать!

Он везде успевал, строго следил за тем, как идут дела на полях и фермах. Продукцию отгружали в Ленск, Айхал, Мирный, Полярный, Удачный, другие северные посёлки. Казалось бы, прекрасная карьера, почёт, уважение. Чего желать лучшего? А Переверзин взбунтовался: мол, не дорабатываем, толчёмся на месте. От природы не мог терпеть лжи, приспособленчества, лукавства. Взял да и изложил «болячки» на бумаге, прислав в редакцию журнала «Полярная звезда» проблемный очерк. Я тогда не знал, что он к тому же пишет и добротные стихи.

Чем же был не доволен директор передового совхоза? Поставил проблемные вопросы, что называется, ребром: рост производства продукции сельского хозяйства в Якутии значительно отстаёт от роста численности населения. А это предполагало дальнейшее увеличение северного завоза продовольствия — весьма затратного, сложного техничеки, а главное, неэффективного.

Наиболее тяжёлое положение создалось в растениеводстве. В Ленском районе урожайность картофеля и капусты составляла соответственно 110 и 320 центнеров с гектара. Маловато. Хотя под Рязанью, Псковом, Калугой, Новгородом, Ивановым, Тверью, Пермью, Курганом, сборы «второго хлеба» были даже ниже. Не устраивала отдача сенокосных угодий: 10-12 центнеров с гектара. А как без сена зимовать? На севере снег лежит от Покрова и чуть ли не до Троицы. Нужен солидный запас кормов.

Тут следует отметить, что в Якутии поголовье крупного рогатого скота исчислялось приличным. Заглянул в статистический отчёт, составленный на начало коллективизации, а именно, 1928 год. Тогда здесь насчитывалось 224 тысячи коров, 117 тысяч телят, 30 тысяч волов и 175 тысяч лошадей. Сена хватало. Иначе бы не держали столько живности. Сейчас скота куда меньше.

Переверзин родом из посёлка Жатай, что под Якутском. Так же как и его сверстники, с детства был приучен к крестьянскому труду: пахал, сажал, заготавливал сено. Любовь к лошадям у него с детства. В своём совхозе он довёл табун до трёхсот голов. Хотелось сделать всё по-хозяйски, грамотно, но не всегда это получалось.

В своём очерке он с горечью писал: «Одна из основных причин такого бедствия, мне кажется, заключается в том, что мы на протяжении многих десятилетий, проводя различного рода эксперименты, только тем и занимались на разных уровнях, что отбивали у сельского труженика чувство хозяина веками кормившей его земли. Первый же опыт подрядных звеньев, когда его членам была предоставлена пусть хоть временная, но самостоятельность в использовании по их усмотрению всей необходимой техники, а также земли и семян, убедительно доказало это.

В слепом отбивании чувства хозяина у крестьянина мы настолько преуспели, что можем сегодня прямо, без всяких натяжек сказать: на селе больше нет крестьянина, есть работник! Да-да, именно работник в том самом значении этого слова, который В.И. Даль толковал так: «Взятый куда для работ, простынь, сельских или чёрных... батрак, наймит». Такую, как правило, отработкой свои, установленные законом часы, а потом — хоть трава не расти!»

Что верно, то верно. Разве крестьянину пришлось бы в голову следить за стрелками часов, когда надвигается гроза, а сено, сгребенное в валки, ещё полностью не скоплено? Когда ожидаются заморозки, а накопанный картофель с поля не убран, не засыпан в закрома? Конечно же, нет!

А вот в колхозах и совхозах следили, да ещё как. И если всё же не уходили домой после «звонка», то кроме зарплаты требовали отгульные. Если у руководства не было возможности предоставить отгул, выплачивали дополнительно за каждый переработанный час ещё и тариф, специально для этого предусмотренный. Вот так!

Переверзин не побоялся заявить открыто, что первый и самый страшный удар по крестьянину как по хозяину был нанесён в период коллективизации, но, конечно, не самим фактом создания колхозов, а тем, какие методы для этого использовались. Массовая коллективизация была проведена насильственно и поспешно. Практически в течение неполных двух лет оказался взломан весь крестьянский уклад, сформировавшийся веками. Данные крестьянам «на вечное пользование» земли были у них отняты, взяты под непосредственный контроль государства, закреплённый законом о землепользовании. Ну, а потом принарядили командовать мужиком.

Эта привычка настолько впиталась в кровь и плоть курирующих сельское хозяйство ведомств, что они и представить себе не могли, как это совхозы, колхозы и обслуживающие их предприятия могут сами решать все возложенные на них, по сути, самой матушкой-природой обязанности: растить хлеб, доить коров и всё прочее.

Иначе чем ещё объяснить из года в год повторяющийся факт закрепления на любой

мало-мальски ответственный период сельхозработ за совхозами и колхозами ответственных товарищей по линии райкомов, райисполкомов, агропромов и других организаций и не в лице одного, а, как правило, целой бригады в пять, шесть и более человек?

Да добро бы «бригады» эти состояли из знающих сельское хозяйство людей, но ведь нет! В тот же совхоз «Нюйский» приезжали контролировать ход полевых работ начальник отдела госбезопасности, заместитель начальника отдела милиции, заместитель председателя райпотребкооперации и прочие чиновники. Ну, разве это дело?

Тут надо отметить, что на XIX партийной конференции Михаил Горбачёв недвусмысленно заявил: необходимо прекратить командовать колхозами и совхозами. Однако на местах власти действовали по старинке: что ни день — новые указания. Это раздражало руководителей хозяйств. Кто-то ругал начальство за глаза, шепотком, кто-то занял выжидательную позицию, а вот молодой директор совхоза «Нюйский» пошёл на обострение отношений с райкомом партии. В подготовленном для печати материале прямо призвал: «Колхозам и совхозам необходимо самим, не дожидаясь манны с неба, брать провозглашённую законом самостоятельность, внедряя самые прогресс-

миллиардов долларов. Даже если предположить, что закупаем половину продуктов питания (в супермаркетах сплошь импортные товары), то нетрудно вывести истинную цифру поставок продовольствия из-за рубежа. Таковы перекосы в нашем сельском хозяйстве после либеральных «реформ».

Бывая за границей, я внимательно присматривался к организации работы в тамошних фермерских хозяйствах. Всё чётко продумано: где и что целесообразнее производить, в каких конкретно объёмах. Никто там не суетится, не плачется на бедность. Кредиты доступны каждому. Не знают, куда девать излишки мяса и молока. В «перестроечное» время была сделана попытка пойти по этому же пути и в нашей стране. Взглянув на создание районных агропромышленных объединений. Хозяйства и обслуживающие организации собрали в единый кулак, дескать, так дела пойдут в гору. Увы, ничего путного из затеи не вышло.

Вот как описывал ситуацию «партнёрских» связей Иван Переверзин: «Нельзя не остановиться и на такой особенности нашего сельского хозяйства, как создание широкой сети обслуживающих совхозы и колхозы предприятий в лице "Сельхозхимии", ПМК "Мелиоводстрой", "Сельхозэнерго" и РТП

обслуживающими предприятиями, входящими в то же РАПО. Цены, в буквальном смысле обдирающие совхозы...»

По прошествии многих лет стало ясно, почему экономика страны к концу правления Горбачёва оказалась в тупике. Никто ни за что не отвечал. Тратили деньги впустую. Например, треть всей сельхозпродукции гнила из-за недостатка перерабатывающих предприятий.

В газете «Ленский коммунист» были опубликованы результаты проверки хранения овощей на местной овощебазе. Что отмечалось? Из 4320 тонн принятого у хозяйств картофеля десятая часть попросту сгнила. Клубни, затаренные в контейнеры, оставили на морозе, не убрав в хранилище. Факт вопиющий. Иначе как преступлением это не назовёшь. Если площади хранения не позволяли разместить под крышей всю продукцию, зачем тогда её везли сюда? Почему раньше-то не подумали о введении новых мощностей?

Не лучше обстояли дела с переработкой животноводческой продукции. В Ленске была контора «Мясомолпром». Звучало важно, но за красивой вывеской тоже скрывалось немало прорех. Директор совхоза «Нюйский» не побоялся испортить отношения с партнёром, высказал во всеуслышание своё мнение о негодной системе: «За более чем десятилетний

У земли всегда виднее

О публицистике Ивана Переверзина

Александр АРЦИБАШЕВ

Как-то один из литературных критиков с горечью заметил: «Странно, что в России, обладающей половиной всех чернозёмов мира, столь мало публицистов-деревенщиков. Пожалуй, полувзвода не наберётся»... А ведь земля, деревня, крестьянство — это корневые понятия.

сивные формы организации труда, на данном этапе — арендный подряд и кооперация...»

Особого разговора заслуживала проблема развития личных подсобных хозяйств. В них производилась практически одна треть всех продуктов в стране. Кстати, могло бы производиться ещё больше, если бы власть не мешала частнику. Опутали сельского жителя с ног до головы всякого рода ограничениями на содержание скота, птицы, выделение пахотных и сенокосных участков, всё с тем же искусственным, уходящим в глубь тридцатых годов страхом: не приведи Боже возродит в частнике, ни больше ни меньше, кулака!

При назначении на должность директора Переверзину наметнули в райкоме: мол, не допусти ошибки своего предшественника, который излишне заботился о частных подворьях в ущерб совхозу. «Поэтому мы вас сразу предупреждаем, что если работники теперь уже вверенного вам совхоза будут и впредь заниматься усиленно личным хозяйством, а главное — реализовывать полученную в результате этого продукцию на рынке, мы будем вынуждены обратиться внимание, вплоть до привлечения к партийной ответственности».

К тому времени у райкома уже был опыт по обузданию слишком уж разнервнившихся частных. Один из них, директор местной школы, не вняв предостережениям районных властей, был просто-напросто снят с должности. Мол, сочетание директора и учителя с продавцом излишков сельхозпродуктов, пусть даже получившихся в результате частного труда, в одном лице недопустимо. И невдомёк было райкому, что директор личным примером воспитывал учащихся, учил культуре отношения к земле.

Первое же знакомство нового директора с совхозом показало, что секретарь райкома не прав. Во-первых, чрезмерного увлечения личным хозяйством он ни у кого не заметил, во-вторых, реализацией излишков занимались как раз те, кто честно и самоотверженно трудились и на производстве. Спрашивается, зачем же гасить инициативу? И он стал наоборот поощрять предприимчивых людей.

Забегая вперёд, скажу, что предсказание Переверзина сбылось. Спустя двадцать лет именно благодаря частным подворьям русский народ сумел в буквальном смысле выжить в условиях дикого рынка, потому как более половины колхозов и совхозов обанкротились. В целом по России в коллективных хозяйствах ныне поголовье коров составляет 3,8 миллиона, а на подворьях частников — почти 5 миллионов. Личные подсобные хозяйства производят треть всего мяса, половину молока, девяносто процентов картофеля и овощей. Причём это экологически чистые продукты, в отличие от заморских, напичканных «химией». На Западе фермеры широко используют в производстве животноводческой продукции гормоны роста, антибиотики, генно-модифицированные корма, что пагубно отражается на здоровье людей. Официально импорт продовольствия у нас превышает 40 миллиардов долларов. А сколько поступает контрабандным путём? Продовольственный рынок России оценивается в 300

(ремонтно-техническое предприятие). Все они, приравненные параллельно с совхозами и колхозами выполнять работу по профилю в определённом договором объёме, с годами незаметно взялись за выполнение многих таких работ полностью. И не потому, что в своём развитии поднялись до уровня, когда любой объём по плечу, а потому, что совхозы и колхозы перестали такими делами заниматься.

Как отразилось это на совхозах, колхозах и государстве? На совхозах и колхозах практически никак: многие из них к этому времени существовали только за счёт государственных дотаций. Каждому рабочему, вне зависимости от конечного результата его работы, был гарантирован твёрдый заработок, позволявший не только покрывать текущие расходы, но и беззаботно глядеть в будущее, откладывая ежемесячно, как у нас говорят, на чёрный день. Государство же понесло огромные убытки. Ведь накладные расходы на содержание одного только управленческого аппарата этих предприятий выросли на 100 процентов, а у «Сельхозэнерго» так даже на 200 процентов и более!

В большинстве случаев, по крайней мере, в нашем районе, эти предприятия не были заинтересованы в повышении урожайности полей, сенокосных угодий, пастбищ, в качественном ремонте техники и т. д. Следовательно, и в понижении себестоимости продуктов, производимых хозяйствами.

Основным мерилом их работы стал пресловутый «вал». Для «Сельхозхимии» — ввоз за счёт раскорчёвки новых земель, которые, начисто лишённые плодородного слоя, ничего, кроме убытков, совхозам не приносили.

Короче, есть всё: тонны, гектары, обслуживание, ремонт (если можно его назвать ремонтом), но нет основного, для чего это всё делается, — значительного, соответственно затраченным средствам, прироста продукции. Спрашивается, стоило ли городить огород, выбрасывать на ветер миллионы и миллионы народных денег? Не осмелю сказать в масштабе всей страны, а вот в масштабе нашего района отвечу смело: не стоило.

Дальше — больше. Для координации совместной деятельности сельхозпредприятий в Советы РАПО ввели руководителей. От банка — опытного финансиста, от потребкооперации — председателя райпо. В итоге появилась ещё одна контора со штатом в тридцать человек. Сила огромная. Горы можно было бы своротить, доведи задумку до конца. Но умный хозяйственник Переверзин сразу увидел изъян в нововведении: «С самого начала всё пошло, как говорят в деревне, наперекосяк. Получив от бывшего министерства финансовую власть над совхозами, РАПО не смогло ею распорядиться. Разноса в пух и прах руководство совхозов за невыполнение, скажем, плана вспашки зяби, РАПО совершенно не обращало внимания, как растут цены на услуги, оказываемые совхозам

срок своего существования данное предприятие не претерпело сколько-нибудь существенного улучшения организации своего производства, хотя и является неизменным победителем районного и республиканского соцсоревнований.

Чтобы не быть голословным, обращусь к конкретным цифрам. Ежедневно совхозами района производится 15-16 тонн молока. Город же Ленск при потребности в 20-25 тонн получает всего 11, из которых добрая половина подготовлена из завозимого в район сухого молока, понятно, не местного производства. То есть центровозом охвачено всего тридцать процентов молочнотоварных ферм. На остальных молоко перерабатывается на месте и один-два раза в неделю в виде сливок вывозится в город, но опять же в основном не для реализации населению в натуральном виде, а для обратной переработки в молоко!

Ясное дело, пока совхозы не увеличат производство молока хотя бы на двадцать процентов, проблема снабжения Ленска не может быть решена до конца. Но вот незадача: если даже сегодня всё производимое в районе молоко будет вывозиться в город, то оно всё равно не будет переработано по той простой причине, что мощность сданного в эксплуатацию в недавнем 1987 году единственного завода — пять тонн в смену. И только работа в полторы-две смены позволяет поднять выход продукции до названных выше 11 тонн!

Спрашивается, о чём думало руководство конторы «Мясомолпрома», возводя завод такой малой мощности? Ведь оно задолго до начала строительства прекрасно понимало, что это не движение вперёд, а топтание на месте».

Но если хоть какие-то меры в отношении увеличения переработки молока руководством предприятия принимались, то с мясом зашли в тупик. У «Мясомолпрома» не было ни одного своего забойного пункта. Переваживали это дело хозяйства. Скот забивали непосредственно у ферм и тут же разделявали. В лучшем случае — на скоченных наспех досках-щитах, а то и прямо на земле. Мясо, естественно, в торговлю поступало грязным, что вызывало справедливое недовольство покупателей. А как его сохранить? У «Мясомолпрома», не было ни одного морозильника.

«Может быть, у конторы "Мясомолпрома" нет необходимых для строительства морозильников средств? — вопрошал молодой директор совхоза. — Есть и были. Только в прошлом году остались неосвоенными более двухсот тысяч рублей капитальных вложений. Есть и всё необходимое оборудование. Но вот уже который год оно безуспешно ждёт своего применения, нещадно ржавея и растаскиваясь...»

Читаешь эти переверзинские строки, написанные четверть века назад, и оторопь берёт: как бы могли так жить! С одной стороны, руководство страны призывало шире внедрять арендные отношения, чтобы добиться рыжка в производстве сельхозпродукции, с другой — ничего не предпринимало для укрепления материально-технической базы перерабатывающих предприятий. Переверзин предлагал готовое решение проблемы: отдайте перера-

ботку в руки самих сельхозтоваропроизводителей, разрешив им торговать продукцией.

«Варианты аренды возможны разные. В практике нашего района наметились три. Первый — это переход на аренду сначала мелкими специализированными звеньями по пять-десять человек и только после этого, отладив как следует все хозяйственные связи между подсобными службами и этими звеньями, всем совхозом. Второй — раздача имеющихся в совхозе площадей, скота поровну всем совхозникам на долгосрочной основе пользования: на пятьдесят-сто лет. Например, в Наторском отделении при расчёте получалось, что каждому члену совхоза может быть выделено три гектара сенокосных угодий, полтора гектара земли, занятой под картофелем, восемьдесят соток капусты и две головы крупного рогатого скота, содержащегося на откорме. Понятно, что справиться с таким разнообразным хозяйством не под силу даже и самому старательному крестьянину. Поэтому было предложено такие трудоёмкие работы, как заготовка сена, уборка картофеля, выполнять коллективно.

И третий — передача в аренду на длительный срок (выгодный в первую очередь совхозу) целой комплексной бригады или даже отделения мощному промышленному предприятию. Так, управлению «Алмаздортранс» мы передали в аренду на пятьдесят лет с ежегодной пролонгацией договора комплексную Батамайскую бригаду.

Замечу сразу, что при этом двигало нами в первую очередь не получение определённой экономической выгоды, а желание как можно быстрее решить все накопившиеся за долгие годы вопросы развития социальной сферы села Батамай. Самому совхозу для этого потребовалось бы при самой успешной его работе десять, а то и пятнадцать лет, с вложением десятка миллионов рублей. Управление «Алмаздортранс» взялось выполнить всё в три года».

Казалось бы, бери на вооружение ценнейший опыт совхоза «Нюйский» и распространяй на всю страну. Разве не прав молодой директор? С цифрами в руках он доказывал преимущества нововведения: «Переход на аренду позволил нам отказаться от услуг всех обслуживающих предприятий, кроме «Агроснаба». После распределения между звеньями основных производственных мощностей осталась в Наторском отделении как бы за бортом, то есть без прежнего дела, 48 человек. Сила большая, вот её-то мы и решили направить, конечно, на добровольных началах, на создание служб, по своему назначению идентичных профилям обслуживающих предприятий.

На базе тракторов, бульдозера Т-130, мхелопаты ДТ-75, двух экскаваторов Т-150 и другой техники создали арендное звено в количестве восьми человек по проведению мелиоративных и почвообрабатывающих работ. Теперь все мероприятия по коренному улучшению лугов, пастбищ, сенокосных угодий и повышению плодородия полей будут производиться только этим звеном, и при этом намного дешевле, а главное — с гарантией качества. Нашлись в селе и желающие заниматься заготовкой строительного леса и дров. Они же думают, восстановив старую пилораму, дополнительно заняться распиловкой. Звено в количестве шести человек уже на сегодня изготовило и сдало совхозу тысячи кубометров древесины.

Не осталась без внимания и такая важная отрасль, как строительство. Шесть рабочих, опытные в плотничьих делах люди, заключили с дирекцией договор на строительство «под ключ» только в этом году детского сада на восемьдесят мест и одного жилого двухквартирного дома, на общую сумму триста пятьдесят тысяч рублей. Это только начало. На очереди полная реконструкция Дома культуры, крайне необходима новая баня, давно требует капитального ремонта автотракторный гараж».

Уже тогда Переверзин призывал к активному развитию фермерского движения. Он предвидел, что люди, перешедшие на аренду, обязательно потребуют полной хозяйственной самостоятельности. Если сие на пользу делу, зачем же ставить «палки в колёса»?

Тот очерк Ивана Переверзина наделал много шума. Откуда мне было знать, что вместо всяческой поддержки молодого руководителя, местные чиновники начнут зажимать его. Надо было как-то реагировать на критику. Исправлять ошибки куда труднее, нежели очертить человека, вынесшего «сор из избы». Возможно, так бы и затюкали его, но время на дворе было уже иное.

Неожиданно директор издательства ЦК КПСС «Советская Россия» Новиков предложил мне составить довольно объёмистую книгу очерков самых известных в стране писателей-публицистов, пишущих о деревне — «Слово о русском поле». Я согласился. Со многими из авторов был в дружеских отношениях. Имена-то какие: Василий Белов, Владимир Солоухин, Вадим Кожинов, Борис Можжаев, Владимир Крупин, Михаил Лемешев, Иван Филоненко, Олег Платонов, Нина Молева, Михаил Антонов... И в этом ряду оказался очерк «Чтобы земля давала больше» тогда ещё никому не известного публициста из далёкой Якутии Ивана Переверзина. А потом он начал печататься в других столичных изданиях. Это означало широкое признание писателя. Со временем у Переверзина вышло несколько поэтических книг. Диву даюсь: как на всё хватало времени? Потом стал заместителем председателя правительства Якутии, но творчество не бросил, и это похвально.

Толчок к высотам человеческого духа дала Ивану Переверзину земля. Он это прекрасно понимает и, несмотря на то, что живёт в Москве, многими узам по-прежнему связан с ленскими просторами, где прошли лучшие годы. Даже возглавив МСПС, не забросил публицистику. А очерк ныне — редкость в литературе.